

Религия
и культура

**Забияко А.П., Забияко А.А.,
Зиненко Я.В.**

Народное православие русских Трёхречья

Публикация подготовлена в рамках работы по гранту РНФ «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308.

Аннотация. Статья посвящена изучению современного состояния православия в Трёхречье (Внутренняя Монголия, КНР). В основу статьи положены материалы полевых исследований 2015–2016 гг. В настоящее время значительная часть русских Трёхречья сохраняет приверженность православию. Православие официально признано китайской властью в качестве религии русского этнического меньшинства. Важнейшая особенность православия в Трёхречье заключается в том, что православие здесь исторически складывалось и существовало на протяжении длительных периодов времени преимущественно как народное православие, народная религия (folkreligion). Церковное православие в Трёхречье не занимало в религиозной жизни православного населения преобладающего положения. В настоящее время данная ситуация сохраняется. Основу религиозных верований в среде русских Трёхречья составляют народные религиозно-мифологические представления, существующие в формах фольклора. Основу религиозных практик составляют домашние ритуальные действия, связанные с православными праздниками и поминальной обрядностью.

Ключевые слова: православие, русское православие, народная религия, Россия, Китай, эмиграция, русские, метисы

Трёхречье – регион Северо-Восточного Китая, административно он относится к Автономному округу Внутренняя Монголия (КНР). Регион стали называть Трёхречьем потому, что на этой территории находятся три реки (Хаул, Дербул, Ган), являющиеся правыми притоками реки Аргунь. Аргунь – пограничная река, разделяющая на этом участке Китай и Россию. Исторически межгосударственное разграничение Приаргунья появилось в конце XVII в. и было закреплено Нерчинским договором 1689 г. Однако отдалённость этой территории от центральных районов Китая, почти полное отсутствие местного оседлого населения и ряд других обстоятельств привели к тому, что русское население с левого берега Аргуни стало переселяться, прежде всего, для ведения сельскохозяйственной деятельности на правый, китайский, берег. Вначале возникли заимки, потом деревни. Количество русских деревень и жителей резко выросло после 1917 г. в результате массового исхода из Забайкалья казачества, крестьянских семей, бежавших от войны и советской власти. В 20–30-е гг. окончательно сложился русский анклав (русское Трёхречье), который насчитывал, по разным данным, до 20 тыс. русских. Обустройство русских, быстрый подъём хозяйственной деятельности вызвали приток китайского населения, которое насчитывало первоначально около 10–20 % и менее в разных деревнях. Гендерная диспропорция в среде русского

А.П. Забияко

А.А. Забияко

Я.В. Зиненко

населения, состоявшая в преобладании молодых женщин, обусловила появление смешанных русско-китайских семей и метисацию населения. К середине 50-х гг. большая часть русского населения вынуждена была покинуть Трёхречье и уехать в СССР, Австралию и другие страны. Так в самых общих чертах можно описать историю существования русского анклава в Приаргунье.

В настоящее время в Трёхречье существует несколько деревень, где живут потомки русских поселенцев, в основном – люди, родившиеся в смешанных браках («полукровцы», как они себя называют). По разным данным, к таким русским себя относит более тысячи человек¹. Это люди в возрасте преимущественно старше 50-ти лет. Их образ жизни связан с деревенским укладом жизни и крестьянским трудом, в последние 20 лет сочетающимися у некоторых с мелкой торговлей и обслуживанием туризма. Русских школ здесь нет уже более 50-ти лет. Многие жители старшего поколения не смогли из-за бедности многодетных семей, тягот послевоенных лет и событий «культурной революции» получить даже начальное или среднее образование в китайских школах, поэтому остались неграмотными или малограмотными. В условиях практических полной на протяжении 40 лет изоляции от России, её языка, литературы, музыки и других сторон культуры потомки русских в Трёхречье, тем не менее, сохранили русское этническое самосознание и некоторые основы русской культуры. Мы будем далее пользоваться для их наименования понятием «русские», учитывая в первую очередь не антропологические признаки, в значительной мере метисированные, а именно их самоидентификацию в качестве русских.

Полевые материалы, лежащие в основе статьи, были собраны в результате трёх экспедиций (июнь 2015 г., участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян, Ван Цзянлинь; сентябрь 2015 г., участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Чжан Жуян; май 2016 г., участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян). В ходе экспедиций были опрошены более 30-ти информантов, в том числе: Иван <Васильевич> Васильев (92 г., 1923–2015, Эньхэ), Владимир Васильев (60 л., 1956 г.р., Эньхэ), Тамара <Васильевна> Ерохина (77 л., 1939 г.р., Эньхэ), Екатерина <Александровна> Литвинцева (74 г., 1942 г.р., Эньхэ), Таисья Николаевна Петухова (85 г., 1931–2016, Эньхэ), Василий Зоркальцев (72 г., 1944 г.р., Эньхэ), Анна Первоухина (Дементьева) (64 г., 1953 г.р., Эньхэ), Иван Дементьев (71 л., 1945 г.р., Эньхэ), Александр (Шурка) Чешнов (78 л., 1938 г.р., Эньхэ), Клавдия Ушакова (82 г., 1934 г.р., Лабдарин), Варвара Ушакова (71 л., 1945 г.р., Лабдарин), Лидия Корытникова (74 г., 1942 г.р., Шивей), Альгея Астафьева (81 л., 1935 г.р., Покровка, Шанкули), Христина Васильевна Литвинцева (88 л., 1928 г.р., Шанкули) и др.

Религиозные традиции русских Трёхречья сложились и существуют как часть огромной этнорелигиозной формации – народного русского православия. Исторически формирование религиозных традиций русских этого региона происходило стихийно в ходе переселения православных крестьян, казаков и прочих представителей простонародья, которые приносили с собой верования и практики, свойственные массовому, низовому уровню функционирования православия, в особенности – в Восточной Сибири, Забайкалье.

Народному уровню религиозной жизни свойственны специфические черты, которые проявляются не только в народном русском православии, но и в других этнокультурных формах народной религии. 1) Носителями народной религии являются, прежде всего, те группы верующих, которые не входят в сословие религиозных профессионалов; в тех религиях, где проведено различие между священнослужителями и мирянами, подавляющая часть приверженцев народной религии – миряне. 2) В идейном, культурном, организационном отношении народная религия концентрируется вокруг неформальных лидеров, чей статус определяется личным религиозным авторитетом (например, главы семей, люди незаурядных способностей, т.п.), и знатоков «неофициальной» религиозности, например, знахарей. 3) Отсутствие упорядоченного слоя религиозных профессионалов и церковной организации сказывается в том, что мировоззрению народной религии присуща несистематичность и стихийность. Догматы официальной религии на уровне народной религии утрачивают свою определённую определённость. 4) Несистематичность догматических определений сочетается в народной религии синкретизмом. В вероучении народной религии

догматы официальной религии сращиваются с унаследованными от прошлого и инокультурными религиозными идеями. 5) Священные тексты официальной, нормативной религии, например, церковного православия, не утрачивая своего высокого статуса, на уровне народной религии делят первенство с текстами, соприродными народной среде, – прежде всего, фольклорными, устными. В русской народной религии исторически в состав фольклорных текстов входили заговоры, молитвы, обрядовые песни, сказки, былины, загадки; особенно значимую роль играли духовные стихи. 6) Лежащее в основе народной религии сознание мифологично, оно оперирует не столько понятиями, сколько образами, конституирует знание не столько догматическими формулами, сколько сюжетами, нарративными конструкциями. 7) Поскольку в основе формирующей народную религию типа сознания лежит мифологический образ и сюжет, в культовой практике она придаёт большое значение прецеденту – исходному поведенческому акту. Содержание, сроки отправления большинства обрядов мотивируются принципом следования исходному образцу – родительскому завету, примеру старшего поколения. Рациональное (богословское) объяснение содержания религиозных действий может отходить далеко на задний план, забываясь, но, несмотря на это, обряды народной религии будут отправляться. Ритуальный консерватизм – характерная черта народной религии. В определённом смысле народная религия – религия действия, поведенческого акта. 8) Укоренённость народной религии в семейной среде проявляет себя в высокой религиозной ценности родовых уз, в той важности, которой она наделяет родильную, свадебную и погребальную обрядность². Перечисленные выше признаки свойственны религиозной жизни русских Трёхречья.

Следует заметить, что хотя при реконструкции религий разных культур основное внимание обычно уделяется воссозданию вероучения, культа, институтов «религии элиты», в действительности именно народная религия формирует основное русло истории любой этнокультурной традиции. Эта закономерность в полной мере обнаруживает себя в религии русских Трёхречья. Поэтому наше внимание далее будет сосредоточено на описании того, что мы фиксируем в той области культуры русских Трёхречья, которая относится к народной религии, народному православию. В данной статье мы затронем лишь некоторые аспекты народного православия русских трёхреченцев.

Разумеется, нельзя обойти вниманием основные вехи истории церковного русского православия Трёхречья, которое в течение нескольких десятилетий XX в. оказывало влияние на религиозность русского населения. Церковное православие было представлено здесь, прежде всего, приходами Русской православной церкви, а также приходами старообрядцев-поповцев.

Приходы Русской православной церкви возникают в Трёхречье после революционных событий в России в результате массового переселения православных верующих. Известно, что в Драгоценке, которая становится в 20-е гг. административным центром русского (прежде всего, казачьего) населения, действовал казачий Кафедральный Собор (в 40-е гг. настоятель и благочинный о. Пр. Маковеев). В статье 1943 г. войскового старшины Мелентия Алексеевича Шестакова приводятся сведения о том, что в Караганах был Молитвенный дом пророка Божия Илии; в Попирае – приписная церковь Покрова Пресвятой Богородицы; в Ключевой – приходский храм Казанской Божией Матери (настоятель о. С. Сушко); в Дубовой – приписная церковь Святителя и Чудотворца Николая; в Верх-Урге – приходский храм Михаила Архангела (настоятель иеромонах о. Г. Шатилов); в Усть-Урге – приписная церковь Рождества Пресвятой Богородицы; в Верх-Кули – приходский храм Покрова Пресвятой Богородицы (настоятель о. М. Поникаровский); в Покровке – Приписная православная церковь Казанской Божией Матери; в Челотуе – приходский храм Успения Богородицы (настоятель о. Г. Ланской). В посёлке Солонечный находился мужской Владимирский Божьей Матери монастырь по р. Ган. В одиннадцати из двадцати перечисленных автором деревнях Трёхречья действовали церкви³. Воспоминания местных жителей хранят сведения о монастыре и храме в дер. Верх-Кули. Приходы входили в состав Трёхреченского благочиния Хайларского викариатства Харбинской епархии, учреждённой в 1922 г.

Всего в правобережном Приаргунье существовало около 18 церквей Русской православной церкви (в разных источниках данные о количестве церквей незначительно расходятся, отчасти из-за наличия старообрядческих церквей). В середине 50-х гг. церковная жизнь в Трёхречье практически замерла из-за массового отъезда прихожан в СССР, свёртывания деятельности в Российской духовной миссии в Китае и создания в 1956 г. Китайской автономной православной церкви, которая оказалась фактически нежизнеспособной в тех исторических условиях. В годы «великой культурной революции» опустевшие храмы были полностью разрушены.

В ходе реформ, инициированных Дэн Сяопином, религиозная жизнь в Китае начинает постепенно восстанавливаться, верующие разных конфессий получили послабления на отправления религиозных потребностей, государство перешло от репрессивной политики к нормализации отношений с официально признанными религиями и, сохраняя контроль над религиозными общинами, стало оказывать им в разной мере свою поддержку. Мера поддержки зависит от многих факторов, прежде всего – от учреждённого государством статуса религии, сложившихся взаимоотношений, политической конъюнктуры, сопровождающей историю и современное состояние той или иной религии в конкретных условиях КНР, т.д. На русском православии в восприятии китайской стороны до сих пор лежит, явно или неявно, отпечаток иностранной религии, связанной своим возникновением в Китае с экспансионистской политикой Российской империи. Однако наличие русского национального меньшинства, исторически причастного к православию, официально признано и закреплено на уровне важнейших государственных документов, что ставит православие в положение религии, с которой центральные и местные власти должны считаться в качестве аспекта культуры одного из народов многонационального Китая.

В 1990 г. в г. Лабдарине (Эргуна, Аргунь) на государственные средства был построен храм в честь святителя Иннокентия Иркутского. Однако длительное время здание пустовало. Нескільки лет не было необходимого церковного убранства. Наконец Читинско-Забайкальская епархия, несущая попечение об этом приходе согласно определению Священного Синода от 27 декабря 2000 г., подарила храму иконостас, утварь и богослужебные облачения. Около пяти лет эти необходимые для открытия храма принадлежности китайские таможенники не пропускали через границу на основании отсутствия разрешения от центральных властей. В конце концов все трудности были преодолены при участии российской стороны. Храм был освящён 30 августа 2009 г. шанхайским священником Михаилом Ваном в сослужении протоиерея Дионисия Поздняева, настоятеля прихода святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Гонконге. 16 мая 2015 г. митрополит Волоколамский Иларион совершил литургию в храме, ему сослужил заместитель председателя ОВЦС протоиерей Николай Балашов, настоятель Успенского храма на территории Посольства России в Пекине священник Сергей Воронин и секретарь председателя ОВЦС диакон Александр Карзан. Более пятидесяти местных православных приняли причастие. После богослужения митрополит Иларион общался с прихожанами и представителями власти.

Церковь, действующая в Лабдарине, имеет официальный статус религиозного учреждения, относящегося к «местной» религии, религии национального меньшинства; на этом основании она финансируется из средств государства. В 2016 г. здесь был организован очередной ремонт, сделано отопление, что позволило проводить богослужения в зимнее время. В последние годы забота в церкви в Лабдарине поручена властями алтарнику Павлу Сунь (Зоркальцеву), который учился в православном учебном заведении в России, но курс не закончил и не рукоположен в сан. Непростая ситуация, сложившаяся в приходе в связи с отсутствием священника, обусловлена в значительной мере общей сложной обстановкой в области деятельности исторически не китайских конфессий в КНР, в том числе, православия. Тема завершения образования Павла Сунь и его рукоположения обсуждалась митрополитом Иларионом с китайскими властями в ходе его визита в Лабдарин. Церковным старостой является Варвара Ушакова.

Богослужения в церкви проводятся редко и без священника имеют характер молитв мирян, т.е. совершаются по мирскому чину. По словам Павла Сунь, в 2015 г.

даже на Пасху в церковь собралось не более пятидесяти человек, причиной чему является преклонный возраст прихожан, проживание многих в деревнях, удалённых от Лабдарина, а также «некрепость» в вере основного состава «русской народности» Трёхречья. Действительно, большинство прихожан – пожилые женщины, иногда в церковь приходят их дети, очень редко, по праздникам, – внуки. В церкви проводятся крещения водой, «огружением». При похоронах верующего прихожане отпевают умершего. В церкви есть православная литература на русском и китайском языках, календари, которыми пользуются верующие. Здесь хранятся иконы, которые нередко приносят из тех семей, где умерли православные пожилые люди, а их потомки не переняли веру.

По наблюдениям авторов, на Пасху 2016 г. в церковь основной состав прихожан (жителей Лабдарина) не собрался. Большинство наиболее активных православных, преимущественно пожилых женщин, поехали из Лабдарина и других деревень в Караванную (Эньхэ), где частным образом в доме одной из верующих, Маруси Дементьевой, «старушки» вечером вскладчину накрыли праздничный стол с крашеными яйцами, куличами, прочими угощениями и отчитали молитвы. На следующий день после ночного бдения они рассказывали подробности.

«Мы вчера [в ночь на Пасху] до часу сидели, до полпервого. Двенадцать прошло, мы давай Богу молиться, сперва с одиннадцати часов – поболее, стали молиться, потом двенадцать – боле прошло, потом начали христосываться. Он, вот этот [Тан Гэ, китаец, учёный-этнограф из Хэйлунизянского университета] съездил в церкву, он привёз свячёну воду, он привёз свечки, он привёз – как они красные в руках держат свечки, я говорю: «Ты как батюшка». Он с Харбина, парень-китаец, который постарше. Потом нам говорит: «Свячёна вода, вы помолитесь, потом вербочки принесите, всё побрызгайте». Это ему вот этот – Василия сын, он же в церкви, – он ему сказал: как-как. Потом как молиться, мы имя [китайским журналистам, снимавшим фильм о праздновании Пасхи] сказали: «Вы, если будете здесь стоять-то, молчите». Все ушли туды, ничё не слышно было, только один стоял, снимал тута. Свечки зажигали, потом все по свечке держали. Свечек много купил он всемя: «Поделите» – всемя нам разделил. Свячёну воду, на окошке бутылки стоят, сказал всем налить, разделил, с церкви привёз воду. Он говорит: «Я маленько увезу-ка». Я не знаю, он верит – не верит, они поснимать приехали – как Пасха. Вот имя надо, чтобы посмотрели – как здесь. Я имя говорю: «Вы на другой год не ездите, мы сами хотим Пасху отмечать» [М. Дементьева].

«Когда этих [китайских журналистов] нет, бабушки сами соберутся, стол наладят, посидят, поедят. Чичас уже можно покушать, никак ране бабушки наши: двенадцать часов пройдёт, потома-ка два часа идём Богу молиться, в три часа до дом придём, тоже в часовню, тут часовня была. Потом дома Богу помолятся, христосываются, потом опять в часовню идёшь, потом опять домой – Богу помолимся» [М. Дементьева].

«На утро яичко в руках держишь, говоришь: Христос Воскресе! Потом яичком переменишься, так у Вас? Одинаково, мы тоже так. С мужчинами тоже христосываемся, старые, малые – со всеми» [Т. Ерохина].

Илл. 1. Пасхальный вечер, деревня Караванная (Эньхэ), 30 апреля 2016 г.

Илл. 2. Пасхальные яйца, деревня Караванная (Эньхэ), 30 апреля 2016 г.

В Караванной в полдень в большом кафе за рекой собрались за праздничными столами, накрытыми за счёт «казны», все желающие – полукровцы, их родственники и соседи, китайцы и монголы, стар и млад, человек не менее двухсот. Людей, понимавших истинный смысл праздника и разделявших сообразные смыслу религиозные чувства, было много меньше половины. О пасхальном событии на столе напоминали крашеные яйца и куличи, принесённые участниками. Собрание открыли представители местной власти, поздравившие «русскую народность» с праздником и пожелавшие ей сохранять традиционную культуру в составе многонационального Китая. Затем выступил фольклорный ансамбль из Лабдарина, исполнивший на русском и китайском

языках народные и современные песни светского, прежде всего, патриотического, содержания. Завершили концерт весёлые кадрили и вальсы под гармонию.

Секуляризация пасхальной обрядности, подмена организаторами мероприятия религиозного смысла светским, общественно-политическим, культурно-воспитательным содержанием у некоторых православных жителей встречает порицание. *«Как батюшка придет – казна может дикалону на лицо. Раньше церковь не открывалась зимой – [теперь] отопление поставили, а русские придут проверять – они деньги дают. Не любят, а Пасху празднуют все китайцы – начальники придут, русскому да метису не зйти. Они только знают Пасху праздновать – воздух неправильный у них»* [В. Зоркальцев]. Справедливости ради стоит отметить, что не только в Трёхречье, в Китае вне России, но и в российских условиях массовое празднование Пасхи представляет собой в значительной степени соблюдение русской традиции, выражающей себя в особых ритуальных фразах и поведенческих актах, необыденных кулинарных изделиях и праздничном застолье. Идеино-психологическое содержание Пасхи и его церковное обрамление остаются для многих русских в России на большом удалении.

В настоящее время ситуация складывается так, что церковь в Лабдарине, приход не оказывают существенного влияния на самосознание русского населения Трёхречья. Церковь, церковная деятельность не является значимым фактором интеграции русских и сохранения их этнокультурной идентичности. Возможно, ситуация может измениться в результате появления священника и налаживания полноценной богослужебной практики и церковной жизни.

Культовым местом для православных верующих деревни Олочи (Шивэй) стала часовня. Олочи – большая деревня, расположенная на правом берегу Аргуни, здесь много русских домов, вывесок на русском языке, проживает много полукровцев. Около десяти лет назад русские верующие в засушливый период ходатайствовали перед властями деревни о том, чтобы им разрешили где-то регулярно молиться о ниспослании дождя. Такой религиозный прагматизм вполне соответствует китайской религиозной ментальности, поэтому, очевидно, власти не нашли причин для опасений и отказа. На окраине деревни у реки русским просителям было выделено место рядом с буддийской кумирней – там, где, по воспоминаниям жителей, раньше стояла китайская культовая постройка. Китайскими рабочими при участии православных верующих, которые принесли часть необходимых для строительства кирпичей и пытались давать советы о конструкции «церквы», было отстроено небольшое, площадью три на два метра, сооружение из кирпича, на двускатной красной крыше которого установлен восьмиконечный крест. Возведённая по самобытному русско-китайскими усилиями «церква» в своих конструктивных компонентах имеет мало общего с традициями православного храмостроительства. Ныне её стены побелены, на восточной, правой от входа, стене развешено около двадцати икон,

перед ними уложены крашенные яйца и веточки вербы. Выше икон и на потолке укреплены гирлянды бумажных цветов, преимущественно красного цвета.

Стоит «церква» рядом китайской кумирней, представляющей собой маленький алтарь с культовыми изображениями, табличками, красными полотнищами ткани и жертвоприношениями. Православная часовня и буддийская кумирня мирно сосуществуют под сенью одного большого дерева, отгороженные от внешнего мира общей оградой.

Проживающая неподалёку от часовни Лидия Корытникова рассказывала в июне 2015 г.: *«Я крещёна, а у нас в Лабдарине есть церква, потом у нас тут-ка маленькую поставили церкву нама-ка, иконы тама-ка наносили, часовня, мы вот каждое воскресенье туды ходим. Одна Аня старушка, вот боле мы с ней двое ходим. Мы вот вдвоём с Аней. Мне 78 лет уж. Мы каждо воскресенье ходим в эту часовню, Богу молимся»* [Л. Корытникова]. Современное состояние и будущее часовни дают мало оснований для оптимизма.

Небольшая недавно отстроенная часовня есть рядом с русским кладбищем на окраине Караванной. Однако двери её заперты, и она бездействует. Отчасти это обусловлено местоположением часовни, которая находится довольно высоко, почти на вершине сопки, взобраться туда, как говорят пожилые православные жители, непросто. Отчасти проблема заключается в отсутствии окончательных согласований порядка деятельности культового здания с китайской администрацией. Бревенчатая часовня с блестящим позолотой куполом и восьмиконечным крестом, возвышающаяся на крутой сопке над русской деревней, производит яркое эстетическое впечатление и придаёт особый культурный колорит окружающему пространству. Она стоит, по словам одного из верующих, «для красоты». Это, впрочем, немаловажно для местного населения и властей в свете того, что Караванная в последние годы становится туристическим центром, деревянные гостиницы которого, построенные в русском стиле, заполнены китайскими любителями экзотики. Расположение и функции кладбищенской часовни во всех отношениях символичны.

Илл. 3. Часовня и китайская кумирня.
Деревня Олочи (Шивэй)

Илл. 4. Часовня на кладбище
в деревне Караванная (Эньхэ).

В форме православного культового здания выполнена ещё одна постройка в Караванной, находящаяся рядом с корпусом местной администрации. Построено оно без соблюдения каких-либо канонов храмовой архитектуры и представляет собой по замыслу и фактическому состоянию музей культуры «русской народности». Здесь рядом с иконами стоят многочисленные бюсты Ленина и барельефы Сталина в окружении самоваров, прялок, матрёшек и прочих символов русской самобытности.

До середины 50-х гг. XX в. в Трёхречье существовали церкви старообрядцев-поповцев. Старообрядцы этой ветви были преимущественно выходцами из Забайкалья, в 20-е гг. и позднее они жили в посёлках Верх-Кули, Покровке, Усть-Ширфовая (Ширфовая)⁴. Церкви старообрядцев-поповцев действовали в деревне Верх-Кули – храм Успения Пресвятой Богородицы и в деревне Покровка – храм Покрова Пресвятой Богородицы⁵. Сейчас следы присутствия здесь приходских старообрядческих церквей, как и старообрядческих общин беспоповцев, сохранились только в воспоминаниях местных жителей. Следует согласиться с В.Л. Кляусом,

собранным такой материал: «...Из отрывочных и весьма кратких сообщений и рассказов метисов Трёхречья о живших там когда-то старообрядцах складывается достаточной интересная картина. Среди старшего поколения китайских русских о них сохранились самые позитивные воспоминания: они помнят старообрядческих священников и фамилии самих старообрядцев, селения, где они жили и церкви, в рассказах отражаются религиозно-бытовые и культурные запреты, внешний облик ревнителей древнего благочестия, взаимоотношения с православным населением и другие стороны их жизни»⁶.

Современные православные верующие Трёхречья – миряне, которые ныне не проявляют особого тяготения к регулярному участию в церковных службах. Однако образы церкви как особого места и церковного богослужения как необыкновенного действия до сих пор хранятся в памяти отголосками детства.

«В Драгоценке церковь большая, красивая была, большой Божий храм. Когда вот революция <была>, всё разрушили. Я с малых лет любила в Божий храм ходить, который раз и босиком – всё бегу. Народу много было, каждый большой праздник всё полно, и батюшка был. К обедне, к вечерне, там похороны какие... Я любила Боженьке молиться с малых лет и сейчас. Я говорю: Господа Бога всегда нужно считать» [Т. Петухова].

«Я в Драгоценке-то учился. Ученики-то обедом не учатся, некого [ничего] делать, спят, а я не могу, потом по углам [слоняемся], залезем в церкву, в то время батюшки не было, замок замкнул и караулит так, а нам интересно – не видавали. Залезем по углам, на вышку и через колокола, там лестница, слезем, смотрим. Много иконов на стенах, а ученики-то разные, кто вперёд идет, а кто сзади идёт, кто-то как заревёт, все ученики боятся – как побегут! Побежали – дверь маленькая, головой стукнулись, режут потом, все выбежали сразу. Потом говорили, батюшка тут в подполье похоронен, все боятся. Я всё время думаю, путём-то не посмотрел всё сам. Потом сам ходил, всё посмотрел, там стульчик, ящички, подполье. В подполье яма, сыра земля, никого нет. На другой раз опять сам [один] зашёл, смотрел-смотрел, на улице дождь пошёл, темно стало, я напугался. Большие не ходил. Церковь в это время уже пуста стояла, колокола ещё висели, всё было, но только батюшка уехал в Россию в то время. В 59-м году батюшка уехал, его, наверное, прогнала казна» [В. Зоркальцев].

«Староверов в Покровке много, половина, вроде что, русских половина, староверов половина. Была у них староверская церква. Не бывал у них в церкви, в воскресенье ходят, не ходят – тоже не знаю. Они по задней улице-то от русских, больша деревня была. Мы-то тут на востоке, а они там – на севере были. С русскими вместе жили, они скажут – ты не различишь» [Ш. Чешнов].

Для подавляющего большинства православных Трёхречья средоточием культовой деятельности являются домашние божницы. Божницы есть в каждом доме, где живёт русская семья. Трёхреченская типичная божница представляет собой угол жилой комнаты с развешенными на стене или стоящими на полке иконами. В русском православии, церковном и народном, почитание икон имело огромное значение и было исполнено многими смыслами. «Русская икона с какой-то вещественной бесспорностью свидетельствует о сложности и глубине, [...] о творческой мощи русского духа», – отмечал Г.В. Флоровский⁷. Божница, «красный угол» с иконами связывают православие Трёхречья с основами русской культуры и традициями русской жизни.

Иконы жителей Трёхречья относятся к разным иконографическим типам. Большинство икон изготовлено преимущественно типографским способом и привезено в последние десятилетия из России, поскольку в годы «культурной революции» культовые предметы были почти полностью уничтожены или безнадежно испорчены, будучи надолго спрятаны на чердаках, в подпольях от хунвэйбинов, бесчинствовавших в русских деревнях.

«В революцию-то не давали говорить. Вот так потом пошло и пошло. Тяжело потом я к языку. Запрещали в юбках – ходить нельзя. Хлеб печь нельзя. Примерно 10 лет. Даже иконы нельзя весить, ничё нельзя. Я все спрятала. Дети маленькие были, я хлеб вязала, с пашни иду, дети бегут плачут, говорят: «Мама, там иконы жгут,

спрячь, мама». Я говорю: «Не буду прятать, сожжём», они уснули, я иконы сняла и все спрятала. Я все завернула в такую <ткань>, чтоб не портились, потом достала. Потом быстро разрешили иконы поставить» [Т. Петухова].

«В революцию ой трудно было, но все прожили, иконы везде всё прятала на вышку, потом в колодеце замазывала, потом на себе, грешна Господу Богу, [прятала]. Иконы все брошали, церкви раньше здесь не было» [Л. Корытникова].

Сходные рассказы о спасении икон в годы «культурной революции» приводит В.Л. Кляус⁸.

О своей божничке, где рядом с иконами стоит старая прямоугольная доска, Лидия Корытникова рассказывала: *«Икона больша – Пресвятая Богородица, это сын-то большой купил, а маленькие-то из Хайлару брала, а та деревянна, черна, та мамина, ещё у ней была, карточка, а в эту революцию Бога же прекратили, а я её спрятала на вышку, он [образ] там <с>тлел. Я деревяшку-то забрала [Л. Корытникова]».*

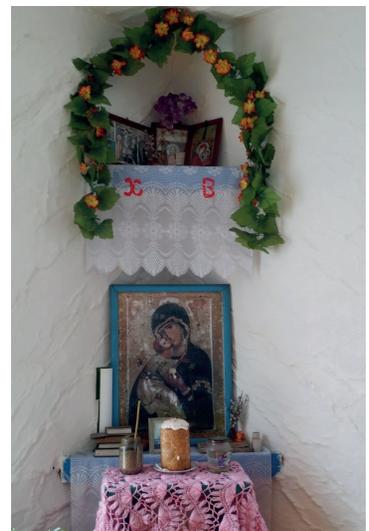
Чаще всего иконы без окладов, в простых рамках под стеклом. Над иконами и по бокам висят гирлянды искусственных цветов и листьев, под ними находится подобие рушников, иногда с надписью «ХВ». Ниже обычно стоит столик с даропринесениями (фруктами, крашеными яйцами, куличами), нередко – со свечами, баночками со святой водой, веточками вербы, книгами, вазочками с цветами.

«Вот икона, божничка когда есть – зайдёшь в избу, браво как, да! Будто есть Бог и ничё не боюся-ка. Вот приеду-ка [домой]: “Боженька, ты дом мне караулишь!”. Поеду-ка – “Ну, всё, до свидания, я поехала [обращается к божничке]”. Будто ничё не боюся-ка» [А. Дементьева].

Известно, что православие, особенно русское, исходит из того, что икона есть место благодатного присутствия Христа (или Богоматери, святых). При этом принципиально важно для богословия иконы, что запечатленный на иконе образ не тождественен своему «первообразу». Согласно православному учению, Бог, Богоматерь, ангелы, святые пребывают в «ином», небесном – горнем мире, за пределами земному – дольнему миру. Конкретно-образный (наглядно-образный) характер мышления, свойственный религиозности простонародья, формировал в народном православии отношение к иконописному образу как существу, въяве присутствующему в своём изображении. В истории народного православия типичны случаи, когда верующие чтимую икону называли «богом». Икону простой православный люд мог воспринимать не столько как знамение горнего мира, сколько как объект, заключающий в себе реальное бытие Бога. На этом основании в народном русском православии иконы пользовались особым почитанием, нередко им вменялись чудодейственные свойства – охранительные, целительные и иные, вплоть до далёких от догматически-церковного понимания иконопочитания. От иконы простые люди ждали, прежде всего, чуда, а не безмолвной проповеди. Похоже, что в Трёхречье мы встречаем живые свидетельства такого народного отношения к иконе.

Илл. 5. Божница Л. Корытниковой, деревня Олочи (Шивэй). Справа – деревянное основание спасённой иконы.

Илл. 6. Божница И. Васильева, деревня Караванная (Эньхэ).

Многим иконам сопутствовали в народной культуре рассказы о связанных с ними необыкновенных событиях. В среде православных трёхреченцев бытует убеждение в чудесном поновлении одной из икон, находящейся в часовне деревни Олочи. Очевидицей этого события является Анна Дементьева, изложившая в мае 2016 г. такую историю.

«У моего мужа была сродна сестра, от тётки она. Эта икона была совсем чёрная, её не видать было. Она [сестра] жила у людях, у сродной маленькой сестры. Потом она говорит: “Отнеси в церкву”, а тогда была маленька – китайска там стояла. Я говорю: “Её [она] не годна”, а она говорит: “Ничё не сделаешь”. Её не заметно, лика ни сколь не было. Потом, чё же, мы с ней пошли, мы с ней гвоздь забили, а её не видать – головой к низу [повесили], так её не видать было. Там кирпичи маленьки, я её положила и там повесила. Потом – ну, долго было время, я одна пошла, тогда Лиды дома не было, я пойду – уберу-то там, в субботу иль в воскресенье, народ-то ходит молиться. Я её поглядела, а я не знала, что она поновилась. Я смотрю: кто-то её кверху ногам поставил, а это мы ставили. И голова-то не варит, что гвоздь поставила, я её перевернула. Она стала <видна> маленько, а потом ещё лучше стала. Потом-ка пошли в какой-то праздник, однако что на Вознесенье, мы пошли Богу молиться, народу много было, десять штук, наверно, сбежалось. Они бы видели, промолчали, она бы ещё это <поновилась>, они заой<к>али: “Икона-то поновилась!”. Она сразу стала такой <перестала дальше поновляться> Ну, счас её заметно, а тогда была совсем чёрна. Они заговорили, а не надо было говорить, она бы ещё поновилась бы. У неё вышла зелёно, желто, с золотом. Это моего мужа, сродной тётки икона. Толи она её нашла по воде, то ли чё ли, я вот у ней не спросила. Она потом вся скрылася-ка (икона), я кого же буду у людей ставить-то, в церкву [в часовню] отдала» [А. Дементьева].

Поновившаяся икона находится в центре иконостаса часовни. Иконографически она относится к типу «Одигитрии» («Путеводительницы») и соответствует иконографическому образцу Казанской иконы Божией Матери.

Илл. 7. Поновившаяся икона из часовни деревни Олочи (Шивэй)

Вера в чудесное поновление иконы олочинской часовни – свидетельство сохранения в православной культуре Трёхречья многогранных религиозных представлений, уходящих корнями в почву русского иконопочитания. В русском православии вера в чудо обновления иконы существовала уже в древнерусский период, особенно интенсивной она становилась в народной среде в тяжёлые времена. Так, после революции в России получили хождение известия о чудесном обновлении сотен икон (Богородицы «Державной» и других). Заметим, что вера в поновление олочинской иконы не стала для местных жителей стимулом к росту религиозных настроений. Часовня, как было отмечено выше, фактически пустует...

Домашние божнички для трёхреченских семей – один из важнейших признаков причастности к православию, зримое выражение их веры, отлучённой силой обстоятельств от церковных стен. Домашние иконы стали доступным способом богообщения для людей, никогда не знавших церковной службы или почти забывших её, а ныне в силу тягот дороги в церковь или по привычке уже не имеющих к ней тяготения. В условиях почти полного отсутствия церковных служб нет причин умалять значение домашней молитвы в жизни православного Трёхречья. Исторически в русском православии важное положение занимали домашние богослужения – молитвы, чтение душеспасительных книг и т.д. Они не имели строгого чина, но от этого религиозная ценность их не снижается, ибо для православия дом – малая церковь, душа человека – храм Божий.

С другой стороны, домашние божнички являются знаком принадлежности к «русской народности», к культуре своих родителей, семейным ценностям. Рядом с ними обычно на стенах висят рамки с семейными фотокарточками – старыми, новыми, чёрно-белыми, цветными. Божничка – такой же важный атрибут этнической идентичности, как семейные фотокарточки, хлеб на столе, особым образом повязанный женский платок, юбка или изба. Этноидентифицирующая функция божнички непротиворечиво сочетается в культуре русских Трёхречья с функцией религиозной.

Важным признаком принадлежности к православию является крещение. Русские жители Трёхречья держались обряда крещения в прежние времена, когда не испытывали притеснений и в русских деревнях действовали церкви, соблюдали его в тяжёлые десятилетия гонений на религию и русское происхождение, верны они ему и сейчас.

«У меня отец – чистый китаец, 70 лет прожил, он в России, ещё в старой России крестился, имя ему дали Фёдор. В Попирае церква была, он с батюшкой подружился, дружно были с нём, потом батюшка даст крестики, он привезёт, потом делают. Много китайцев крещены были с юных лет, которые в России были, тама обжились как русские. Потом, когда поставили границу, стали отселять» [Ш. Честнов].

«Ну, конечно, [дети] крещёные. Внучата крещёные, от дочки вот от этой, в Хайларе крестила; а вот этих дома крестила. <...> Из Харбина китайский приезжал священник, он сколь лет работал в России, потом в Харбине работал. Коды в Лабдарине Божий храм поставили, он приезжал светить, лет десять более. Старый священник Дионисий приезжал к нам, видели русских сколь священников было, я всех знаю, однако, что он крестил детей. Внук сейчас в Боженьку верит хорошо. Он щас у меня крест носит, с малых лет, он, когда маленький был, я его заставляла молиться Боженьке, в праздники, я говорю: сегодня праздник, вставай на колени. Встанет, помолится и сейчас он так верует – православный. У меня внучата все православные» [Т. Петухова].

Обратим внимание, что некоторые дети крещены приезжими священниками – в последние годы такая возможность у трёхреченцев вновь появилась, а некоторые дети были крещены дома. Более сорока лет, по крайней мере, со времени «культурной революции», в Трёхречье лиц духовного звания либо уже не было, либо оставшиеся в живых один-два священника не могли свободно заниматься религиозной деятельностью. Дети в русских или русско-китайских семьях рождались, и православные родители во многих случаях искали способ их крестить. Возможность совершения таинства крещения «погружением» («огружением») в крайних обстоятельствах вне церкви и без священника в православии допускается. В православной обрядности Трёхречья крещение водой приняло, например, такой вид:

«Мама меня в церкви крестила, у нас в Усть-Урои [Усть-Уровье] церква была. Я детей не крестила [в церкви], огружала, я батю [священника] спрашивала, здесь нету-ка церкви, то я принесу [детей] <когда> месяц выйдет, то тогда я иконы омою, их [детей] опрыскаю святой водой, я батю спрашивала, он говорил – всё равно погруженные», – рассказывает о специфике проведения обряда в условиях отсутствия церкви и священника одна из жительниц, Л. Корытникова. Этот способ крещения мирянами детей водой, которой омыты иконы, был широко распространён в Трёхречье и имел свои особенности, по-видимому, индивидуального, семейного происхождения. Так, в описанном случае для проведения обряда нужно было дожидаться появления месяца; в других известных нам вариантах это не требовалось, но присутствовали другие отличительные особенности, например, участие бабки-повитухи.

Характерно, что у одной из наших собеседниц, Таисии Петуховой, как и у некоторых других людей старшего поколения, крестивших своих детей и внуков, крещёные младшие родственники не говорят на русском языке. Однако все они единодушно считают себя представителями «русской народности». Факт крещения представляется старшему поколению и их потомкам достаточным основанием того, чтобы считать крещёного человека русским. Такого рода совмещение религиозной, православной, идентичности и этнической идентичности – явление вполне

типичное в русской среде. В особенности оно было свойственно традиционной, крестьянской православной культуре. Этнорелигиозное самосознание русских Трёхречья следует здесь привычному руслу.

Крещение, согласно православным догматическим определениям, – это таинство, в котором преобразается природа человека, происходит второе рождение крещаемого и приобщение к Иисусу Христу. В народном понимании крещение может принимать вид магического охранительного или целительного обряда, а крест – апотропея, отпугивающего нечистую силу.

«У меня дочка-то пятая маленько-то помешалась, с головой чё-то, не знаю, что делать, думаю, сводить в церковь – может, поможет, с людьми-то не разговариват, говорит не по-человечи. У меня-то четвёро только крещёные, это ещё до революции [до «культурной революции»] батюшка приезжал, окрестили, эти-то ещё малыньки были. А дочка-то мне говорит: “Мама, ты дома помолись, да крест мне надень, что ко мне мёртвые-то эти привязались, говорят: “То сердце вытащу, то все жилы”» [А. Астафьева].

Илл. 8. Альгея Астафьева, Трёхречье, деревня Покровка, октябрь 2015 г.

В реальных условиях своей религиозной жизни православные Трёхречья далеки от соблюдения других шести таинств, тем более в их канонической обрядовой форме. Причащение, принятое группой верующих в Лабдарине в мае 2015 г., – исключение из правила. Память об этих таинствах и сопутствующих обрядах почти полностью стёрта. Жива, однако, традиция соблюдения не только Пасхи, но и большинства других календарных праздников и постов.

«У нас здесь хорошо праздники сохраняются. Пасху Христову, Рождество, все праздники. Пасха когда отойдёт, мы высчитываем, Вознесенье-то – с Пасхи до Вознесенья 40 дней. Всё вот по-русски, сейчас мы живём с детьми, все они с нами по-русски и коды гости приезжают, гостей принимаю всё по-русски» [Т. Петухова].

«Троица была, мы в церкву ходили, из Лабдарина из церквы у нас там есть праздники написаны-то: Крещение, Пасха, много праздников малыньков там есть. Мы воскресенье только знаем,

раньше праздников не знали. Раньше матеря говорили, что в воскресенье не работаем, русские праздник. Мы вот в церкву ходим, а если церквы нет, то мы дома помолимся, стирать в воскресенье – шибко грех, раньше-то говорили. Молитву сама читаю, как умею, мы сходим помолимся, потому-ка там посидим, ну, есть место, куды ходить, не с кем разговаривать, мы туды уйдём, тама-ка поговорим» [Л. Широкова].

«На Троицу у нас те года весело было. Раньше на Троицу гуляли, обливаются, ой, весело, даже в речку бросали. Масленицу празднуем, коды Масленка проходит, пойдёт Прощёный день, и я потом 7 недель с Прощёного дня, 7 недель постных до Пасхи, всё постно кушаю, ни молоко, ничё всё постно кушаю. На святки машкоровались [маскировались, рядились], ходили: ты оденешься, чтоб тебя не узнали, на лицо всяко, которы сами себя разукрасят, потом на Рождестве славили детишки, потом вечером со звездой ходили, утро Рождество пели» [Т. Петухова].

«Мне стало восемьдесят лет, семдесят девятый. У меня, когда мама жива была, нас всех научила постовать. Вот, теперчи до Пасхи сколько дён осталось, я постоваю. Я вот ребятишкам наказал, что всё припостите, приедут ко мне гости, но только, что после Пасхи. На Пасхе первый день тоже можно. А то мне не можно угощать, всё же постно.

Интервьюер: *Сколько у Вас дней пост?*

Ш.Ч.: *Сорок дён постовам. Всё молосно, каша тут. По Пасхи первый день, потом-ка всё разрешено. Я за чё так верую, постовую: я в церквы крещёный.*

Интервьюер: *А какой у Вас пост? Только молочное кушаете?*

Ш.Ч.: Да, только молосно, мясно нисколь нельзя, не разрешено.

Интервьюер: А яйца можно?

Ш.Ч.: Ой, яйца нисколь нельзя, само главно – яйца.

Интервьюер: А почему?»

Длительная изоляция русских трёхреченцев от канонического устройства православной жизни накладывает отпечаток на нормы поста и их интерпретацию. Ответ на вопрос о том, почему нельзя есть в Великой пост яйца, сопряжён в сознании нашего собеседника с народным сюжетом о крови Христа и красном цвете пасхальных яиц, с представлением о чудесном превращении крашеного яйца в пасхальную ночь.

«Ш.Ч.: А это мне нисколь не рассказать. У меня мама, она могла [рассказать]: зачем вербу ставят, зачем постуют, зачем яйца не кушают, она всё могла рассказать. Я после этой революции, революции, которая в Китае была, я всё позабыл. Мне щас и не рассказать вам. Только помню, мне мама наказала: будет Пасхи первый день, яички меняют, стары снимают, новы кладут. Она мне наказала: “Каждый год кладите новы – красны”. Это я запомнил, она мне сказала. Всё постно, с хлебом почаем. Она это мне так сказала, что когда Христа, были его на крест, она сказала, евреи то ли [я позабыл], а там-ка одна старушка была, она услышала, пошла смотреть. Пошла смотреть, а где прибит-то, кровь побежала. Она в платке, по-старому подвязана-то. Она платком-то, где кисты, углы взяла да вытерла [кровь]. Домой пришла и думат: “Вымыть, как мне на память оставить-то? Это Иисус<a> кровь-то”. Потом взяла яичко, сварила, да на яичко-то и намазала, и на божничку положила. На другой год-то сняла, он [яйцо] наполнил, как свежий. Вот, после того это стали каждый год новы менять – красны православны...

И вот стал я веровать, стал я постничать. Когда каждый год мама снимет яички-то на божничке, разобьёт – даже парит. Вперёд этого, когда неаккуратно избу белят, да снимет [яйцо] – если разобьёт, то там всего с намоточек сухой, совсем высохнет. А тут на Пасхе, первый день, оно как свежее. Она нам всем, у нас семья больша была, по-маленчички разделит, скушаем. Не скажешь, что нисколь не пахнет – пахнет, но не шибко. После того я стал веровать» [Ш. Чешнов].

В русле народных религиозно-мифологических представлений, в которых многократно переложённая на свой лад рассказчиками евангельская история помещается в местный ландшафт, трёхреченцы объясняют происхождение и форму куличей: «В Рассее как стали после Иисуса Христа: когда его распивали, на третий день, вербочкой прутом его били, когда он шел, когда ушёл он на тот свет, на небу, шел он по горам, после того стали куличи пекчи. Эти куличи – они не ровны, есть всяки: есть больши, есть маленьки – сопки разны, он [Иисус Христос] ушёл на небу» [Ш. Чешнов].

В этом сюжете о происхождении и облике ритуального хлеба нет следа памяти о церковной православной практике приготовления высоких, цилиндрической формы литургических хлебов – просфор и в особенности артоса, от которого кулич, очевидно, воспринял свой внешний вид. В нём вольно изливается оставшееся без церковного попечения творческое воображение – неиссякаемый источник религиозного сознания.

Обрядовые традиции сохраняются в других формах православной культуры русского Трёхречья – поминальных обычаях, почитании поклонных крестов и т.д. Достаточно большой массив народной религиозности жив в фольклорных повествованиях, заговорах, представлениях о «том свете» и посмертном существовании, а также в других конфигурациях религиозного сознания. Объём статьи не позволяет, к сожалению, подробно раскрыть эти стороны народного православия русских Трёхречья.

Таким образом, важнейшая особенность русского православия в Трёхречье заключается в том, что православие здесь исторически складывалось и существовало на протяжении длительных периодов времени преимущественно как народное православие. Церковное православие, имеющее в своей основе церковь как институт, духовенство как доминантную группу, догматику как идеологическую систему

и церковное богослужение как главенствующий вид деятельности, в Трёхречье не занимало в религиозной жизни православного населения превалярующего положения. В течение непродолжительного отрезка времени, в конце 20 – начале 40-х гг. прошлого века, церковное православие утвердилось в качестве средоточия религиозной жизни верующих, однако вскоре в силу исторических обстоятельств церкви были закрыты, церковные богослужения свёрнуты, духовенство как социальная группа исчезло. Православие продолжило своё существование в формах внецерковной жизни, которые определялись народными традициями понимания верования и религиозных практик. В настоящее время данная ситуация сохраняется.

Библиографический список

1. Аргудяева, Ю.В. Обряды жизненного цикла у русских старообрядцев в Северо-Восточном Китае / Ю.В. Аргудяева // Религиоведение. – 2016. – № 1. – С. 18–30.
2. Забияко, А.П. Народная религия / А.П. Забияко // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 672–673.
3. Забияко, А.А. Русские Трёхречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде / А.А. Забияко, А.П. Забияко // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 2. – С. 160–172.
4. Кляус, В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры / В.Л. Кляус. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 384 с.
5. Салмин, А.К. Термин *folkreligion* и его русский эквивалент / А.К. Салмин // Религиоведение. – 2008. – № 1. – С. 93–98.
6. Тарасов, А.П. Русская национальная волость Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае / А.П. Тарасов // Общество и государство в Китае. – М.: Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2014. – Т. XLIV. Ч. 2. – С. 187–208.
7. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Минск: Изд-во Белорусского экзархата, 2006. – 608 с.
8. Шахматов, П. Трёхречье. Воспоминания / П. Шахматов. – Томск: Изд-во «Красное Знамя», 2014. – 344 с.
9. Шестаков М.А. Благодатное Трёхречье // Вестник казачьей выставки в Харбине. Сборник статей о казаках и казачестве. – Харбин, 1943. – С. 192–195.
10. Dong Xianrui, Yan Guangqing. Erguna e luosizu. – Erguna: Lang man zhi cheng xi lie congshubianweihui, 2013. – 216 p.
11. Qing Jue. Ehnechundiao cha. – Beijing: Zhongguojingjichubanshe, 2011. – 289 p.
12. Tang Ge. Eluosiwenhuaizaizhongguo. – Harbin: Beifangwenyichubanshe, 2010. – 310 p.
13. Zhang Xiaobin. Neimenggu e luosizu. – Hailar: Neimengguwenhuachubanshe, 2015. – 252 p.

---

¹ Тарасов А.П. Русская национальная волость Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае // Общество и государство в Китае. М., 2014. Т. XLIV. Ч. 2. С. 187–208.

² Забияко А.П. Народная религия // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 672–673.

³ Шестаков М.А. Благодатное Трёхречье // Вестник казачьей выставки в Харбине. Сборник статей о казаках и казачестве. Харбин, 1943. С. 192–195.

⁴ Аргудяева Ю.В. Обряды жизненного цикла у русских старообрядцев в Северо-Восточном Китае // Религиоведение. 2016. № 1. С. 18–30; Шахматов П. Трёхречье. Воспоминания. Томск, 2014. С. 94.

⁵ Шестаков М.А. Благодатное Трёхречье // Вестник казачьей выставки в Харбине. Сборник статей о казаках и казачестве. Харбин, 1943. С. 192–195.

⁶ Кляус Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015. С. 208.

⁷ Флоровский Г. Пути русского богословия. Минск, 2006. С. 5.

⁸ Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015. С. 92–94.

References

1. Tarasov A.P. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Vol. XLIV, part 2. Moscow, Institut vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk, 2014, pp. 187–208.

2. Zabiylko A.P. *Religiovedenie. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Study of Religion. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Akademicheskiiy proekt, 2006, pp. 672–673.
3. Shestakov M.A. *Vestnik kazach'ey vystavki v Kharbine. Sbornik statey o kazakakh i kazachestve* [Bulletin of the Cossack Exhibition. Collected Papers on the Cossacks]. Harbin, 1943, pp. 192–195.
4. Argudyaeva Yu.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2016, no. 1, pp. 18–30.
5. Shakhmatov P. *Trekhrech'e. Vospominaniya* [Shiwei Russian Ethnic Township. Memories]. Tomsk, Izdat-vo «Krasnoe Znamya», 2014, p. 94.
6. Shestakov M.A. *Vestnik kazach'ey vystavki v Kharbine. Sbornik statey o kazakakh i kazachestve* [Bulletin of the Cossack Exhibition. Collected Papers on the Cossacks]. Harbin, 1943, pp. 192–195.
7. Klyaus V.L. *«Russkoe Tryekhrech'e» Man'chzhurii. Ocherki fol'klora i traditsionnoy kul'tury* [Shiwei Russian Ethnic Township in Manchuria. Essays on the Folklore and Traditional Culture]. Moscow, IMLI RAN, 2015, p. 208.
8. Florovsky G. *Puti russkogo bogosloviya* [The Ways of Russian Theology]. Minsk, Izd-vo Belorusskogo ekzarkhata, 2006, p. 5.
9. Klyaus V.L. *«Russkoe Tryekhrech'e» Man'chzhurii. Ocherki fol'klora i traditsionnoy kul'tury* [Shiwei Russian Ethnic Township in Manchuria. Essays on the Folklore and Traditional Culture]. Moscow, IMLI RAN, 2015, p. 92–94.